

** в тексте присутствуют мультимедиа файлы (фотографии, аудио), являющиеся неотъемлемой его частью. Все файлы можно воспроизводить (смотреть, слушать) на веб-странице: <http://maximdosko.com/titan> или скачать в виде zip-архива по ссылке: <http://maximdosko.com/download/dosko-05-text1-titan.zip>*

Титан

Посвящается науке и человечеству

Проекция фотографии (файл “PIA08114” - спутник Сатурна, Титан, с расстояния пяти километров, снято зондом “Гюйгенс”, NASA).

Монотонный голос диктора.

Титан – спутник Сатурна, второй по величине спутник в Солнечной системе, на пятьдесят процентов больше Луны, является единственным, кроме Земли, телом в Солнечной системе, для которого доказано существование жидкости на поверхности. Обладает плотной атмосферой. На основе исследований выдвинута гипотеза о наличии на нем примитивных форм жизни. Поверхность Титана невозможно наблюдать оптическим путем с Земли из-за очень плотной атмосферы, наличия метана в ней, изучение его производится в основном по информации, полученной с зонда “Гюйгенс”, который опустился на его поверхность в две тысячи пятом году. Атмосфера преимущественно состоит из азота, а также метана и этана, которые образуют облака, являются источником жидких и, возможно, твердых осадков. Соединения азота и метан придают атмосфере оранжевый оттенок. На поверхности Титана, состоящей из водного льда и различных осадочных веществ, есть метановые озера и реки, площадь крупнейшего озера более ста тысяч квадратных километров, встречаются образования, напоминающие земные болота. В целом рельеф поверхности относительно ровный, вариации по высоте не более двух километров, присутствующие горные массивы без резких склонов, с заметной эрозией вершин. Температура у поверхности очень низкая, в среднем минус сто восемьдесят градусов Цельсия, ветер довольно слабый, примерно полметра в секунду.

Несмотря на то, что Титан находится вне зоны обитаемости Солнечной системы и низкую температуру у поверхности, он сопоставляется с Землей на ранних стадиях развития и есть большая вероятность существования на нем простейших форм жизни, отличных от высокоорганизованной земной. Так, изучая необычное поведение водорода на поверхности, ученые НАСА выдвинули гипотезу о “дыхании” примитивных биологических организмов, которые вместо воды и кислорода используют метан и водород, питаются молекулами ацетилена. Пробы и измерения, проведенные зондом “Гюйгенс” косвенно это подтвердили.

Некоторые астрономы называют Титан “следующей Землей”, “Землей номер два”. В далеком будущем, через шесть миллиардов лет, когда Солнце станет красным гигантом, температура поверхности Титана увеличится до значений, достаточно высоких для существования жидкого океана из смеси воды и аммиака. Подобные условия просуществуют несколько сотен миллионов лет, этого вполне достаточно для развития относительно сложных форм жизни.

Обычное жилое помещение. Аскетичный интерьер. Лебедев Дмитрий Сергеевич – астроном-любитель, внештатный сотрудник академии наук Беларуси, ему тридцать четыре года, в течение последних пяти лет основная его астрономическая сфера интереса – Титан, спутник Сатурна. Сидит, смотрит в довольно большой телескоп. Рядом с телескопом компьютер. Периодически отрывается от телескопа, листает фотографии на мониторе, что-то печатает. Затемнение.

То же помещение, но без Лебедева. Тусклый оранжевый свет. Шум, запись с сильными помехами, это запись звука ветра на Титане (файл "huygens_alien_winds_descent"). Изморозь, мелкий снег. Затемнение.

Пустое помещение с одним стулом. Лебедев понуро сидит на стуле, глядя в пол, несколько раз встает, нервно ходит из угла в угол и садится обратно.

Вот, короче, не знаю... Такое. Ощущение. Недавно... Ощущение недавно возникло, вот что конец всему тут скоро. Все, все там... Потом будет. Туда мы, в общем... (Пауза. Думает. Поднимает голову.)

Я вот вспоминал, что тут было, что... Ну, всякие события все, жизнь. А потом, в общем, один этот случай... Ну как основа просто стал, кажется, ощущение такое, как причина, всего причина. Не знаю почему это именно... Это просто случай из жизни, случай неприятный на самом деле, может и не с каждым случается такое, но ничего особенного... Тем более вот для того, чтобы сейчас это вспомнить. Не понимаю... (Затемнение.)

Там же. Лебедев сидит, в руках диктофон. Говорит. Записывает.

На самом деле я вот так и не понял, почему это вспомнил, тем более сейчас. Это случай из жизни просто. Ну вот, не знаю, в голове это всплыло и крутится. Мне кажется, ощущение такое, что именно этот случай всему причина, вообще всему, ну, то есть, все у меня сейчас концентрируется в этой одной точке, ну бля, как основа мироздания просто. (Смотрит в сторону. Вздыхает. Пауза.) Вообще если нормально, здраво на это посмотреть, то это отклонение психики, наверное. Для этого причин тут не мало сейчас. (Короткая пауза. Встает.) Ну и ладно... Пусть... Пусть так. Пусть как угодно. Может...

Ходит. Напряженно думает. Что-то говорит, но не слышно что именно. Пауза. Садится.

Был довольно обычный день тогда, точнее это был конец недели, суббота. Я тогда уже второй год после техникума работал в Промспецавтоматике наладчиком КИПиСА. Мой друг и напарник был тогда в отпуске, мы не виделись на работе недели, наверное, две. Решили встретиться, точнее встретиться мы решили с другим другом, а с этим, ну, напарником то есть, уже потом созвонились. Второй друг – музыкант, ну точнее он рэп читает, знаете, конечно, что такое рэп, сейчас это уже серьезно, а раньше это как бы субкультура такая была. Друга-напарника зовут Вадим, друга-музыканта – Антон, он себя еще Антонио называл, для понту наверное, на итальянский манер типа, тогда атрибутика мафиозная в среде рэперов считалась.

Вот... (Короткая пауза.) Бля. (Пауза.) Короче, что-то я много о чем не о том начинаю говорить, сторонние мысли в голову лезут. И вообще не подумайте, что я тут кривляюсь сейчас, буду, и тому подобное, и речь еще эта... Я на самом деле два высших образования имею, сказать грамотно могу и написать, там, но в жизни все время обычно говорил, то есть когда среди своих и в семье. Если бы я в толковой, типа, семье родился, ну там писателей или ученых, ну или папа депутат, мама философ, так полностью был бы определенно грамотным, интеллигентия, нормально. Я себя интеллигентом то никогда не считал. Я в обычной семье родился, папа – э драйвер, мама – э доктор, хотя мама санитаркой работала, но чаще говорил, кто мама – доктор. Улица Кунцевщина, окраина Минска, Рэпаблик оф Беларусь. (Короткая пауза.) Так вот тогда бы и говорил правильно, а так я говорил как обычно, тогда еще в Беларуси сильно на трясянке говорили, диалекте то есть, это уже сейчас не говорят. На районе меня короче всегда за своего принимали (улыбается): “Прывет, как дила? Яшчэ не жаниуся? Пральна... Нада яшчэ, эта, как гаварыцца баб пацискць троха, да? Гы-гы-гы. Я уже чарку прыняў, цяпер вяселы. Гы-гы-гы. Выпить хочашь?”

Бля, опять ну... (Короткая пауза.) Такую фигню нести то. Ой! (Пауза. Думает. Неуверенно.) Но я просто... Не хочется... Сейчас... Слова... (Увереннее.) Не хочется короче тут сейчас слова подбирать, думать. Я вот подумал, вот пишу это сообщение, это важно, это потом слушать будут. (Короткая пауза.) А может и не будет ничего.

(Короткая пауза.) И я, в общем, готовился такую речь записать серьезную и правильную. Думал. Что лучше, какие слова. Жизнь вспоминал, как было. И ничего не вспоминалось такого вот, что бы то, что нужно, чтобы избавило. Сидит что-то во мне, кажется, самое время освободить. Вспоминаю – и все как бы не про меня, не из меня, не из моей жизни то есть. А потом это случай... И все... *(Короткая пауза.)*

И вот, короче, возникают мысли эти, чувствуется надо это сказать, еще раз вспомнить. *(Короткая пауза.)* Никак не начну же, ну! Все это так... *(Пауза. Думает.)* Все. Все. Встретились... Мы... *(Короткая пауза.)* Пусть это выглядит как угодно. Все равно! *(Увереннее.)* Короче встретились мы с друзьями этими. Уже и стемнело почти. Осенью это... А, да! *(Азартнее.)* Я до этого купил... До того как с ними встретиться, купил вино, интересное. Я вообще тогда уже мало пил, совсем даже мало, но решил купить, потому что тогда бы встреча состоялась точно, раз повод есть, а встретиться хотелось, че-то грустно было очень. И купил не просто так, лишь бы что, а типа с идеей, с приколом. Было тогда в продаже у нас вино такое родного производства, плодородное, но не дешевое – Ээ Аппл, по-английски написано, бутылка красивая, пробка винная, не пластиковая, дизайн этикетки, с каждой бутылкой шел буклет страниц десять, где рассказывалось о многовековой традиции плодородного вина из яблок, о том, как оно произведено, о том, что это продукт исключительно натуральный, стоило оно на уровне неплохого нормального молдавского вина.

Вот, короче, взял я это вино, иду, короче, на душе потеплело – сейчас встретимся, поговорим, грусть может эта пройдет. Точнее это даже не грусть, а тоска какая-то была, в общем, сложное такое грустное чувство.

Мы встретились. “Здарова. Здарова. Как дела?” Че-то там поговорили. Я бутылку показал, говорю, надо попробовать, что за оно. Антон, который музыкант, не прочь попробовать был, даже, кажется, повеселел. *(Улыбается.)* Вадим то безразлично сразу отнесся, а потом сказал, что и пробовать не будет, он тогда уже вообще не пил. Где пить будем? Где? Не на улице же, вроде не малолетки, парни серьезные уже. Подумали, подумали, решили пойти к Вадиму в машину. Он был против, но Антон его быстро уговорил: “Блять Вадим, что ты как вафля, что ты бздишь? Кто бздит, того и собаки кусают!” Согласился он короче. А машину он эту недавно совсем купил – Тайота Королла тысяча девятьсот девяносто седьмого, универсал, она с виду странная немного, на работе мужики прикалывались, типа на гробовозку похожа. *(Улыбается.)* Пошли мы... А! *(Короткая пауза.)* У него еще в, с этой машиной в первый день после покупки офигенно неприятная ситуация получилась. Он с еще одним нашим другом, таких в литературных произведениях описывают балагур и весельчак, поехали типа прокатится. Ну, поехали, за рулем Юра ездил, Вадим как-то боялся очень поначалу, он, кстати, вождение за взятку сдал, а Юра уже давно за рулем. Поездили... *(Короткая пауза.)* Опять это! Бля! Ну... Опять не туда, не про то, детали какие-то! *(Пауза.)* Как тут стирать записи?... *(Нажимает кнопки на диктофоне.)* Как тут?... Ладно, раз уже начал, тем более как тут стирать не знаю. На записи это как, наверно... Ой! Ладно...

Приехали они уже под подъезд, где Вадим жил, и тут Юра решил показать, бля, свои знания, епт, в машинах, говорит: “Капот открой, гляну, че за агрегат”. Стоит, в общем, у капота, так вот спереди машины, нагнувшись, смотрит и что-то с нехилой озадаченностью в лице колупает там, трогает, жмякает. Потом говорит: “Заведи, проверим как работает”. Вадим в это время в багажнике что-то рассматривал, в новой машине то все интересно посмотреть, пошел открыл переднюю дверь и плюхнулся на сидение боком, ну так то есть ноги остались на улице, снаружи, а сам в салоне, по-быстрому хотел. Ну ключ повернул, и тут, блять, машина как, блять, дернется – и Юру сбивает. Так как ноги у Вадима не в салоне были, то затормозить он естественно не смог вовремя. А машина дернулась, потому что на передаче стояла, Юра не снял, ручник не затянул, она дизельная, поэтому и рванула, если бы бензинка была, то заглохла бы. Машина дернулась и проехала чутка, а спереди стояла другая машина, близко стояла, и Юру просто прижало к этой

машине. В общем, одну ногу ему сломало в двух местах, на другой сильный ушиб. Если бы не машина эта впереди, так и вообще бы задавил насмерть тогда, переехал... Там естественно весь двор сбежался, крики, кипешь, скорая, менты, ДПС. Такой вот случай. Вадим как раз вот после этого случая пить перестал, хотя вроде что к чему, причем это и алкоголь, когда случилось они ж не пили. Ну, психика, наверное, пострадала, не знаю... (Пауза.)

Да... Много. Слишком много деталей. Ну просто момент такой. Вспоминается много. Да и случай этот немножко имеет тут место. Юра тогда, когда мы встречались с Вадимом и Антоном, еще в больнице лежал, то есть этот случай в принципе недавно произошел. Это еще всплывет. (Пауза. Вспоминает.) Еще тут... (Короткая пауза.) Про машину. Вспомнил. Ну это... К чему? (Короткая пауза.) Ладно, пусть для смеха будет. (Говорит быстро.) Вадим все никак сдать не мог вождение в автошколе, в ГАИ точнее, два раза уже проваливал. Ему этот самый Юра, ну то есть понятно, что это было до того как сбил его, говорит: “У меня знакомый в ГАИ, нехеровый чин какой-то, надо через него. Я поговорю”. Что там поговорил, как и с кем или они с этим нехеровым чином друг друга не поняли, но ничего там на самом деле не решилось. Нехеровый чин ему сказал просто как бы рекомендацию жизненную, наподобие: “Пусть идет сдает и не боится, сдаст нормально, все окей будет”. А Юра то подумал, что это типа все договорено значит, что все на мази, сказал Вадиму что все сделано, замазано, сдаст и передал слова нехерового чина дословно. Вадим понял эти слова иносказательно, мол, пойти сдавать надо, в машину сесть, проехать, но там уже все с принимающим решено, зачет поставит. Пошел Вадим сдавать. Перед тем как в машину садится фамилию свою громко и четко, чуть не по буквам назвал: “Т-и-м-ч-е-н-к-о”. “Ну садись Тимченко”. Водил он херово, все задания просрал. Остановились, принимающий: “Плохо, очень плохо, ну как же так”. Вадим: “Моя фамилия Тимченко”. Принимающий: “И кто вас только учит водить в этих автошколах то...” Вадим: “Я Т-и-м-ч-е-н-к-о”. Принимающий: “Все, выходите”. Вадим: “Т-и-м-ч-е-н-к-о”. Принимающий: “Да вылась ты, еп тваю мать ты Тимченко! Не сдал ты! Я что глухой что ли? Еще раз фамилию свою повторишь, ты вообще до смерти не сдашь, я тебе обещаю!” Вадим вылез, весь грустный стал. (Смеется.) Я, кстати, все это сам видел, потому что пришел Вадима поддержать типа. (Улыбается.) Но Вадим все равно потом не сам сдавал, через родственника своего какого-то, за взятку.

(Пауза. Думает.) Все короче. Хватит этого уже, вступлений этих. (Пауза. Вспоминает.)

Пошли мы в машину попробовать это 3э Аппл. Машина стояла на стоянке поликлиники номер двадцать шесть, на внутренней их стоянке. Стоянка эта цепью закрывалась на замке, а у Вадима ключ был, это батька его подсуетился, он в палекше столяром работал, на хорошем счету. Сидим короче. Вадим поначалу нервничал, типа, что если ДПС, а мы в машине пьем, но мы его успокоили тем, что мы за цепью стоим, сам Вадим пить не будет ведь, чего бояться. Пробка в бутылке винная, настоящая была, ну эта, из пробкового дерева, я штопор предусмотрительно с собой взял, точнее он у меня, не знаю зачем, давно валялся в рюкзаке красный такой и что интересно, полностью из пластика, но не ломался. Открыли, понюхали, оно ничем вообще не пахло, по крайней мере, из бутылки. Стаканчики были у Вадима в машине, хоть и не свежие, но мы не побрезговали. В стаканчиках к нашему удивлению оно тоже ничем не пахло. Ну что ж оставалось только попробовать его на вкус. “Твое здоровье Вадим”, говорю и стакан вверх поднимаю, Антон тоже: “Твое здоровье Вадим”. Вадим не ответил, тогда я говорю, что надо отвечать “На здоровье”, что меня так мой дед учил когда-то. Вадим ответил: “На здоровье”. Выпили.

В общем, пили мы и поначалу закусывали яблоками, которые я тоже предусмотрительно прихватил, подготовился, епт, молодец. Потом уже просто пили, пытались же еще и смаковать, ну по приколу как бы. Пили, разговаривали просто об обычных повседневных делах, ну и о музыке еще, это мы с Антоном больше о музыке

говорили, я вообще музыку очень люблю, а тогда рэп тоже нравился. Чем дальше пили, тем громче говорили, тем интереснее становилась беседа. Бутылка этого благородного в кавычках вина была объемом ноль семь литра, правда надолго ее все равно не хватило. *(Короткая пауза. Задумывается.)* И какая разница сейчас каким объемом бутылка эта была? Ну? *(Удивляется сам себе.)* Столько подробностей, так я и рассказать не успею тогда... Да. Какая разница каким объемом! Ну епт! *(Злится.)* Ладно, спокойно. Хуу-х *(медленно протяжно выдыхает)*. А то сейчас зациклюсь на этом. И злюсь еще, а злиться нельзя, аневризма... Сейчас с мыслями соберусь, что б меньше этого бреда нести. *(Пауза.)*

Сидит неподвижно, ничего не говорит, но голос его слышен в удалении.

Вообще, кстати, тут на Титане красиво. Тут же все оранжевое, небо – светло оранжевое, почти желтое такое, земля – темно оранжевая. Тут озера есть, реки, они правда не из воды, метановые, зеленоватые такие. Горы есть, не много их, и они не крутые, в смысле не резко вверх идут. А в горах пещеры есть. Еще тут дождь постоянно идет, точнее изморозь такая, мелкая, наполовину дождь, наполовину снег, дождь тоже метановый и облака метановые. Ветра у поверхности почти нет, иногда только и небольшой, зато в средних слоях атмосферы ветер очень сильный, этот вот звук *(показывает пальцем вверх)* как раз оттуда доносится. *(На короткое время возникает шум, запись звука ветра. Файл “huygens_alien_winds_descent”).* За бортом холодно, минус сто семьдесят, хотя сейчас здесь, где я, лето как бы. Вулканы есть, вот один тут рядом, правда это криовулканы тут, они водой с аммиаком плюются. Да! Самое интересное то. Есть тут органическая жизнь, простейшие какие-то, там на Земле лучше разберутся че это такое. Они в глубине грунта живут, но наружу выпускают тонкие нити такие и ими дышат, они водородом дышат. Вы не подумайте, это простейшие, их в микроскоп только видно. *(Пауза.)*

Говорит в диктофон, записывает.

Собственно закончилось у нас это Зэ Аппл, но уж очень интересно сидели, еще не все темы прошли. Купить еще предложил Антон, я в ответ предложил продолжить таким же плодовым. Такого же, Зэ Аппл, не было в нашем магазине на районе, Азарэнне он назывался, а местные его в прикол Разарэнне звали. Сильно не огорчились, взяли то, что было, Антон еще настойчиво так просил у продавщицы что бы из яблок именно было. Дала она нам Осенний там что-то. Осенний букет? Нет, Осенний букет это другое было. Осенний и что-то с яблоками связано, ну типа Осенний урожай к примеру и я блоки изображены там.

И эта бутылка была ноль семь литра объемом, только как бы сказать содержимое пожестче *(улыбается)* и тоже долго не продержалась.

После второй бутылки пошли мы помочиться, посцать то есть как обычно говорят. Естественно далеко не отходили, тем более уже совсем стемнело, а ближайшее укрытие что? Да, поликлиника. Стоим, это, делаем дело и я тут вспомнил, говорю: “У меня ж тут мама работает, вон ее окна”, окна отличил, хоть света вообще нигде не было, выходной день ведь. Ох... *(Вздыхает. Смотрит в сторону. Короткая пауза.)* И вот главное такое чувство в тот момент испытывал, как будто что-то свое, родное рядом, а я уже отдаляюсь, плыву, погружаюсь, в темноту какую-то, мрак. Хуу-ф-ф, сейчас это вспоминаю, аж плакать хочется. *(Короткая пауза. Отходит в дальний угол. Пауза. Возвращается и садится.)*

Потом была еще одна такая же бутылка, деньги уже у Вадима взяли. Третью только открыли и Вадим сильно начал ругаться, вопить просто, может мы себя к тому уже не культурно вели. Говорит, все, в машине больше не будем. Созвонились с еще одним общим другом, Лешей, а он к нашей радости, тоже “праздновал”. Он и еще, там, знакомые наши пили на балконе, то есть стояли на общественном своем балконе и, как говорится, веселились. Было это не далеко и вообще-то рядом с моим домом, а точнее этажом выше. Я на одиннадцатом, тусовка эта - на двенадцатом. Отправились туда, уже пошатываясь так, изрядно выпили. Вадим тоже пошел.

Там был Леша, Саша, тоже можно сказать наш друг, хотя после того как он в армии отслужил мы чего-то меньше стали общаться, брат Саши – Павел, еще три друга Паши и две девушки, не знаю сами по себе они были или с кем-то, иногда также выходил сосед Леша – Коля, он покурить просто выходил на балкон. Все приблизительно одного возраста, чуть за двадцать, только Коля-сосед был старше, лет тридцать с чем-то. Никто наше вино не захотел. Вообще среди молодежи в городе не так часто на самом деле пили это, как тогда говорили “чернило”, а в основном алкаши или, как говорили, “синяки”. Леша только попробовал и все.

Так мы с Антоном все эту бутылку и сделали... Итого получается уже три бутылки по ноль семь на двоих, что немало, вино это ведь содержало спирта что-то около пятнадцати – двадцати градусов. Компания веселая, общаемся, танцуем под мобильник, гитара там по-моему еще была, ну как обычно в общем. *(Короткая пауза.)* Вообще-то подобных тусовок к тому времени я уже сильно сторонился, думал совсем о другом, о высоком так сказать. Но градус, бывшее то вернул, епт. И меня конкретно понесло, ну то есть, бля, драйв попер. Танцую, пою, всех люблю и так далее. Помню, Коля-сосед все злился: “Уберите от меня этого, блять, придурка, уберите, а то я ему ебану! Пошел нахуй, отойди от меня”. Да, в этом районе слов не подбирали... *(Короткая пауза.)* Мы еще с Антоном и пиво пили, которого там было много, сколько выпили - не знаю. Прошло какое-то время так, потом кто-то предложил еще закупиться, Саша, ну который служил, сказал, что мама его пиццу готовит, сейчас пиццу вынесет, жил он тоже вместе с Лешей и Колей на все том же двенадцатом этаже, соседи они. А я, хоть и такое состояние было, очень слабо ходил уж, вспомнил, что дома в баре стоит бутылка вина, правда нормального, выдержанного, не чернила конечно, кто же чернило в бар ставит, осталась с какого-то праздника семейного. Спуститься этажом ниже, делов то. Кстати не помню, говорил или нет, родителей дома моих не было, как обычно в выходные на даче, ну как все, у кого дача есть. Поперся я домой, взял ее, дома еще меня сестра увидела, младше меня на четыре года, и, наверно, вид был ужасный, потому что вино она не давала. Но я взял, еще бы не взять. Поднялся. Открыли мы ее. Антон отказался, он уже за стены держался. Леша начал пить, еще кто-то там. И тут я, короче, решил выпендриться, блять, придурок, говорю: “Счас я вам трубадура покажу!” А трубадур – это когда берешь бутылку, в ней вино разгоняешь по часовой стрелке, ну или против, без разницы, как центрифуга получается, потом опрокидываешь ее и вино заливается сразу внутрь, без глотания.

Вот таким “трубадуром” я где-то треть объема этой, опять же ноль семи литровой, бутылки в себя и залил. И все... Мутнеет в глазах, держусь за стену и чувствую что падаю, ноги косятся, последнее что увидел, это как Саша с пиццей на тарелке большой выходит и кричит: “Блять! Держите его”. Дальше, как это говорится, ни фиги не помню. *(Пауза.)* Да... Угу. Самое интересное. Дальше. *(Пауза.)*

Открываю глаза и вижу. И вижу больницу, ну или то есть что-то похожее на больничную палату, белые стены, кушетки. Голова болит, в глазах туман, все тело ломит. Совсем, абсолютное... Абсолютное непонимание как, как попал сюда, вообще, руки привязаны, под одной простынкой, чувствую полностью голый, одежды никакой нет на мне, без трусов даже. Капельница. Холодно. Тихо. Люди еще какие-то лежат там. Страшно. Противно. Ужас. В первые секунды понять не могу, это я вообще, это я в себе очнулся, че это, бля, может помираю или помер уже. Пытаюсь вспомнить, понять. Первое, что придумал, раз это больница, то может это мы к Юре приехали по пьяной лавочке, ну к этому, которого Вадим сбил. И нас типа в палату проспаться положили. Думаю, тогда ниче страшного, счас встану да и пойду отсюда тогда. Как такое в голову пришло только... Пытаюсь встать и получаю напоминание что руки привязаны, и что голый, и что капельница, кроме того пелена немного сошла, рассмотрел это все вокруг. Нифига мы не у Юры. Начинаю дергаться и орать, причем орать сильно и всякое, видно такой шок неожиданности получил. Подбежала медсестра или санитарка в халате белом женщина

лет пятидесяти. Успокаивает меня, по-доброму так, и смотрит так, знаете, на меня с полуудивлением, полустрахом, как будто я, блять, из мертвых восстал. Слегка успокоила. Лежу спокойнее, начинаю думать, пытаюсь усиленно вспомнить что на самом деле было, почему так все.

Ну вот так, короче, очнулся, а как туда попал тоже интересно. То есть интересно – это не то слово наверное. (*Виновато.*) Вы не подумайте, я не с приколом это рассказываю, веселых чувств сейчас не испытываю, мне очень страшно сейчас все это, вспоминать... Даже страшнее того что Земли больше не увижу, что сдохнем скоро. Почему? Не знаю, ну вот так. (*Пауза.*)

Все, что дальше, до того как очнулся, я естественно не помню, да и не мог бы я запомнить. Это уже с рассказов друзей и участников торжества этого. Я, в общем, упал, ну не совсем упал пластом так чтобы, а по стенке объехал просто, на бок завалился. Меня естественно поднимать стали: “Что с тобой, что с тобой?” Еще очень смутно помню, что что-то я все-таки хотел ответить, но на самом деле промычал. Вот, собственно, пытаются меня поднять, в чувства привести, но без толку, я просто как тряпка уже весь обмяк. Поначалу, на самом деле, это вызвало у присутствующих, ну, смех, приколы типа: “Во напился то. Говорили – нефиг столько пить. Бэрлом упился”. Но потом, видя, что состояние вообще, как говорится нулевое, не шевелится совсем, глаза не открывает, озадачились. По щекам лупили – без толку, все тоже, так же. Положили аккуратно на пол, на свету, около лифтов уже, ну не положили, а к стеку пытались прислонить, но я не прислонился уже даже, как жидкость уже. Начали совещаться на пьяную голову что делать. Все были к тому серьезно пьяными, один Вадим трезвый, но к его доводам особо никто не прислушивался, ну это как обычно невзаимопонимание у трезвого и нетрезвого. Опять вышел Коля покурить. “О блять! Ясное дело, как надо, как положено. То прыгал, прыгал тут, со своим чернилом, песни пел, а теперь как гавно под дверью валяется. Да, понятно все... Хули стоите смотрите – домой его тащите! Сейчас обрыгает тут все”. Коля еще и потому не хотел, чтоб я там лежал, потому что он за порядком на общественном коридоре следил все время, он там даже сам, за свои деньги, ремонт сделал, он строитель просто, отделочник. Все с решением тащить домой согласились сразу. Домой меня потащили Леша, Антон и Вадим, хотя Антон сам уже нормальный такой был, но говорит, отрезвел резко от такой картины, ну не полностью конечно, но все же соображать получше стал. Это адреналин видимо. Притащили. Сестра в шоке сразу, в слезы. На диван меня. Сами на кухню – советоваться. Советовались, советовались, к единому мнению не пришли. Думают. Вадим так вообще сильно нервничать начал, плачет: “Не ну это вообще... Ну это как... Один в больнице лежит”, - это он про Юру, - “Второй еще... Фиг знает что с ним, трупом упился. Не, ну! Ну как это?”. “Вадим, сука, ты еще тут! Не нагнетай, замолкни, блять, замолкни.” Антон предложил меня под холодный душ, согласились, потащили. Раздели, ну трусы тока оставили, все-таки без трусов это как-то слишком. В ванную положили и льют. Но вы представьте – так вот тело в ванную положить и лить, это как выглядит? Это со стороны как покойника обмывать. (*Короткая пауза.*) Ух-х-х. Да уж. (*Короткая пауза.*) Антон сказал, что он держать будет, сам разделся и тоже в ванную. Естественно вертикально держать никак не удержишь, тем более мокро, ну так он сел как-то и придерживал.

Тут как раз пришли и другие, скажем так собутыльники. Саша, он, кстати, так с пиццей и пришел (*грустно улыбается*), Сашин брат Паша, Пашин друг и с ними одна из девчонок. “Мы эта... Как дела, че там? Што - очнулся, нет? Мы эта, тут вот Наташа, она типа доктор, ну учится на врача”. Наташа: “На ветеринара придурки вы, на ветеринара”. (*Улыбается.*) “Слушай сейчас то какая разница то уже, сейчас то, случай такой. Пусть веритеринара, ну хоть стоматолога, что-то же лучше знаешь”. Наташа посмотрела на меня с Антоном в ванной, а воду то чисто холодную пустили, ледяную – я дрожал, рефлекс видимо, дрожишь и когда не соображаешь. Говорит: “Не, ну он же простудится, вы чего?!” Бля, как в анекдоте, честное слово (*улыбается*). И, короче, стала она говорить, что

это не надо. Антон послал всех, говорит знаю что делаю, идите в жопу вообще отсюда. Пашин друг заступился за Наташу, что, мол, как он так всех, а значит и ее, Наташу, в жопу послал, типа так нельзя. Антон разозлился, вылез и к нему драться. Потасовка, их разбирают. Антон свое пытается доказать, с ним спорят, Пашин друг очень злой. Я лежу там же, в ванной. *(Короткая пауза.)* Воду не выключили и я, дырку эту, ну слив, перекрыл как-то, может ногой или как. И вода набиралась. Я захлебываться начал. Эти с кухни услышали, они уже на кухне разбирались кто прав, звуки такие как кашель и сопение, прибежали, меня вытащили. Вот еще и чуть не захлебнулся *(Пауза.)* Вадим наконец решает: “Все, надо скорую вызывать”. Наташа поддержала: “Да, пора”.

Вот как-то на самом деле смешно сейчас получается, смешно наверное со стороны. Но на самом деле оно то смешно происходило, только мне вспоминать – не до смеха, мурашки, так знаете, по телу. *(Короткая пауза.)*

Позвонили, короче, в скорую. Ждали, она не ехала никак, еще раз перезвонили, сказали ждать, уже на подходе. Все на нервах сидят ждут, я на диване. У меня постоянно проверяли, ну, дышу или нет, пульс, там. Тут звонит телефон, это со скорой звонят и говорят, что, мол, машина стоит у въезда во двор и во двор въехать не может, потому что машин много припарковано, сказали туда идти. Как идти? Человека без сознания очень тяжело перемещать, он как будто раза в три тяжелее становится, кто пьяного тащил или труп, тот знает как это. Решили в одеяле. Опять меня одели, не в трусах же. В одеяло положили, четыре человека по углам взялись и потащили. В лифту никак не помещались, дверьми зажимало, на улице пару раз уронили. Нашли потом эту скорую. Положили там, рассказали, что случилось. Врач, ну или она там фельдшер, я не знаю кто в скорых дежурит, женщина лет сорока, пульс пощупала, в глаза фонариком посветила, ну знаете, проверяют зрачки. Рукава стала закасывать мне, они сразу, если такое состояние, смотрят не наркоман ли, что б знать как действовать. А я, бля, фиг знает почему именно в этот момент сопротивляться стал и руки выдергивать. Офигеть – немая пауза. Она говорит: “Я не поняла это что такое. Напился, говорите? Рукава ему закасайте!” Закасали, посмотрела... “Ладно, поехали”. Антон поехал со мной, он к тому времени отрезвел от адреналина и холодного душа, со стороны, по крайней мере, выглядел совсем трезвым. Едем. Повезли в больницу скорой помощи. Вытрезвителей или тому подобное тогда уже давно не было, всех “перебравших” везли в больницу скорой помощи.

Ехали тихо, в смысле без нервов, Антон меня держал, фельдшер эта еще пару раз пульс щупала. Там еще один был фельдшер, ну или врач, он не участвовал, только смотрел и вообще очень сонного вида был, уже ведь давно за полночь было. Он только потом в дороге спросил: “Сколько выпил то?” Антон: “Три бутылки вина плодового по ноль семь на двоих, ну еще там немного сверху”. Он: “Ну немало в принципе, но не смертельная доза, хотя...” И дальше в свое сонное состояние погрузился. Больше молчали, Антон только оправдывался, говорил, что я не алкоголик, ну не он, а я то есть не алкоголик, и что б не думали...

Приехали. У входа стали и ждали покуда каталку прикатят, никак свободную каталку найти не могли. Нашли. Переложили меня и покатали. Эта женщина из скорой пошла куда-то, потом вернулась и сказала Антону ждать там. Там – это в коридоре то есть. И в этом коридоре было еще много, да чего много – тьма просто других больных, которые ждали. Ходячие сидели ждали, кто не ходил на каталках. И большая часть там ждали это те, которые, это “перебравшие”, побитые алкаши, бомжи, наркоманы. Всех этих принимали после нормальных людей. Я с алкогольным отравлением, фельдшер то отметку там сделала где-то, значит вот тоже в эту компанию попадаю. Вообще на самом деле там ужасно было, Антон от этого вида полностью отрезвел. Людей много, вонище, бомжи воняют, кто обосцался, были и совсем безнадежные, на каталках обосцанные лежали. Побитые, кровь, один там с лицом ободранным алкаш, живого места нет, ну асфальтная болезнь то есть, метался и орал, у него кровь идет сильно и он этой кровью там все замазал. Наркоман лежал недалеко, со стажем наркоман, он видимо, дешевый

наркотик употреблял, ну что-нибудь типа дезоморфина, крокодила, по-моему так тогда его называли, и у него от этого тело, а точнее ноги, живьем гнили, одна нога в бинтах полностью, вторая в сильных глубоких язвах, даже вроде аж кость видно. *(Короткая пауза.)* Вы представьте, какая там картина, была, вонь вся эта, крики. *(Короткая пауза.)* Антон, ужасаясь от этого вида ждал, никто не шел. Я, по его словам, к тому времени совсем поник, ну совсем с виду тело безжизненное, даже кажется белеть начал. Он пошел разбираться, искать кого. Постовые менты на его просьбы и доводы только поулыбались, типа много тут таких, иди ищи дежурную медсестру, нам дело до этого нет, мы за порядком следим. Нашел он там дежурную медсестру и врача даже. Не ругался, но видно убедительно объяснил – и медсестра и врач пошли ко мне. Врач пульс пощупал, фонариком в глаза посветил, еще раз пульс пощупал. Дал команду и меня повезли куда-то, Антона дальше не пустили, сказали домой ехать. *(Пауза.)*

Как уже говорил, очнулся я с большим непониманием, что вообще происходит и где я. Немного полежал так, напряг голову и единственное что она смогла мне выдать в тот момент – выпили и поехали потом к Юре в больницу его проведать и нас там, так как мы были достаточно нетрезвыми, положили спать. Это же надо такое родить то, ну! Как мы могли ночью туда поехать, кто бы нас туда пустил, да еще и спать уложил? Да... *(Короткая пауза.)* Руки привязаны – ну, думаю, просто я был слишком веселый. Короче вот так немного подумав, решаю, что надо вставать. В голове вообще шумело, но не так как с бадуна, с похмелья, то есть, а как будто перемешалось все там, перекрутилось. Дергаю руками пытаюсь отвязаться, привязано крепко, бинтами к кровати. Потом что-то рассмотрелся, гляжу капельница стоит и трубочка то идет в мою правую руку. Видимо от этого я испугался и в шоке начал орать, орать что-то невнятное, истеричное, типа, что б меня выпустили. Дергаюсь, ору. Вбегает санитарка, успокаивает, ну, говорил уже. Как-то ей удалось это сделать, успокоить в смысле. Я аж запыхался. Когда успокоился, одну руку, левую, без капельницы, она мне отвязала. Я на бок лег. Уже понял, что нифига не к Юре мы приехали. Спросил как-то мельком у нее, что со мной, че это я тут, что было? Она говорит, что перепил я, отключился, на скорой меня, успокаивала, что сейчас все уже нормально, полежать пока спокойно, а потом врач придет и расскажет по состоянию подробнее, а сейчас выйти мне никак нельзя.

Лежу, особых мыслей нет, просто очень неприятно и ужасно все. Смотрю на руки – они исколоты, особенно правая. Одежды на мне никакой нет. На груди пятна какие-то темные круглые. Ко всему еще и холод начинаю ощущать, вообще становится неприятно. Рассматриваю помещение – большая больничная палата. Здесь лежат и еще люди. Все лежат тихо, уныло так. Когда кричал, заметил уже людей, но не сказать, что они на этот крик отреагировали значительно, ну только так, в мою сторону глянули, поглядели и дальше впали в унылое лежание это.

Напротив меня лежал мужчина лет сорока пяти, с усами такой, ну с виду как обычный рабочий с какого-нибудь завода, он просто лежал, иногда переворачивался и кряхтел немного: “Ой. Ху-у-у-х. Ох”, с виду ну как люди с перепоя лежат. Я лежал ближе к двери, то есть с лева никого не было больше. Справа лежал мужчина лет пятидесяти, дальше к моему удивлению лежала женщина. Ведь не, в одну палату не ложат, не кладут и мужчин и женщин. Женщина – лет под тридцать, ну меньше несколько тридцати видимо. Мужчина этот и женщина иногда переговаривались. Из разговора их я понял, что они вроде как отец и дочь и что отравились грибами. Вид у них был типично вот как когда отравятся чем. Они еще из палаты, пошатываясь, несколько раз выходили. Дальше лежал какой-то парень лет так за тридцать, в очках. Он довольно бодрый был, переговаривался с отравившимися этими, с санитаркой, что периодически заходила в помещение, в палату то есть. С противоположной стороны палаты лежал самый шумный, так сказать, большой, огромный такой мужик лет тридцати пяти. Он реально большой, упитанный, здоровенный короче. В татуировках, весь волосатый. Он все время без сознания был, лежал не спине, и руки и ноги привязаны, кидался, постоянно бормотал что-то, кричал, рычал, когда

переставал кидаться, очень сильно храпел. Простынь в моменты буйства с него слетала, а он, как и я, совсем без одежды какой был, санитарка назад ее поправляла, делала это с пренебрежением. Из разговора санитарки с парнем в очках, ну который этот, подальше от меня лежал, у окна, я понял, что это наркоман и что его всю ночь откачивали, передозировка, клиническая смерть даже была. И что он вонючий вообще и грязный. Я еще подумал, что странно как-то это, обычно, ну если наркоман такой, вонючий, грязный, как бомж то есть, ну обычно такие выглядят соответственно – худые, замученные, побитые такие, а этот с виду как качек, в татуировках, татухи модные типа, не эковские, то есть не тюремные. *(Короткая пауза. Вспоминает.)* Потом еще санитарка раз когда заходила смотрит че-то на него и говорит вдруг: “Это что такое, это вши что ли?!” Позвала еще одну санитарку, она моложе была существенно, может даже студентка на практике, и они на нем вшей ловили, точнее как ловили, они бинтом с зеленкой по телу тыкали, где вошь увидят. Очень они недовольны были, что им это делать приходится. Так... *(Короткая пауза. Вспоминает.)* Дальше после этого наркомана лежала женщина лет сорока пяти, вроде бы тоже отравилась, ну, съела то есть не то что-то, она нормально себя чувствовала, по крайней мере с виду, только наркоман этот пугал ее постоянно. После женщины лежал дед, в возрасте мужчина такой. Он как бы со знанием дела так лежал, газету еще читал. Из разговора его и парня в очках, я понял, что дед этот перебрал, перепил то есть, и что он уже не первый раз тут, санитарки к нему тоже как к знакомому относились. Еще потом все переспрашивал, когда завтрак уже будет: “Чего сегодня завтрак задерживаете?” А когда завтрак был так, помню, добавки еще просил *(Улыбается.)*

Вот так вот лежим все. Ждем врача, ждем восьми утра. Дед особенно ждал, без осмотра не отпустят, а он все спешил куда-то: “Дело у меня важное очень, опаздываю я!” *(Улыбается. Немного смеется.)*

Я несколько раз засыпал, просыпался, на короткое, наверное, очень время. Отключался, так, моментами. Хотелось посильнее заснуть, чтоб этого не видеть, чтоб заснуть и назад все вернуть, заснуть, а потом нормально дома проснуться, а это все страшный сон просто.

Завтрак был, я уже говорил, ели не все, каша была рисовая. Женщина, полная такая, завтрак раздавала, спрашивала, кто будет, кто нет, я сказал, что не буду. Она, правда, уговорила меня хоть стакан чая взять, я согласился, но его так и не пил. *(Пауза. Вспоминает.)*

Ага. Да... Там. Такой... *(Короткая пауза.)* Был там еще казус такой со мной, случился. Лежал, дремал так вот иногда, а потом в туалет мне захотелось, помочиться. До этого один раз санитарка спрашивала не нужна ли мне утка или кувшинчик. Кувшинчик это типа утки, только поглубже и действительно на кувшин похоже, это чтобы по-маленькому, для мужиков. Я тогда отказался, сказал, что не хочу, и на самом деле тогда не хотелось мне. Так вот, приперло мне, сразу я терпел, думаю потерплю, потом когда встать разрешат, сам схожу. Некоторое время терпел, потом естественно терпеть было уже не в мочь, а тут еще как раз санитарка уже давно не заходила и вот не заходит и не заходит все. Мне уже к тому моменту, мало того что неприятно все было, так еще и сильно стесняться стал, стыдно было до жути, хотя понимал что может этих людей и не увижу больше. Сразу звать санитарку никак не отваживался, но позже понял, что могу в итоге обмочиться и это будет вообще уж. Стал звать: “Сестра! Сестра! Сестра!” Ну, так с промежутками повторял одно слово: “Сестра!” Соседи по палате сразу не реагировали, потом как-то насторожились, особенно женщина с отравлением, не та что с отцом грибами, а другая. Но ничего не спрашивали. Прижало сильнее, понимаю, что уже, бля, на грани обоссаться, стал звать громче и чаще. Еще бы чуть чуть и все уже бы, но зашла таки санитарка, та что по моложе. Спросила в чем дело и что случилось, с испугом таким на лице. Я говорю: “Мне кувшинчик нужен или утка”. Она: “Так вон же, под койкой стоит”. И вправду стояли и кувшинчик и утка там...

Пришел потом врач. Поздоровался со всеми. Дед по имени отчеству ответил ему. Санитарка объяснила вкратце, кто с чем лежит. Я так понял, это смена у них там менялась. Про наркомана большого этого пренебрежительно говорила и в конце уже. Врач сразу к нему подошел, посмотрел, грустно так: “Эх. Ну что они с собой делают. Ведь в прошлый раз еле откачали, а он опять”.

Врач сразу с грибниками общался, потом с женщиной, потом с парнем в очках, потом со мной. Что у других спрашивал, я не слышал, потому что тихо он общался. Ну вот, ко мне подошел: “Здравствуйте, как вас зовут? Как самочувствие?” Я ответил, назвал только имя, про самочувствие сказал, что нормально. “Голова болит? Мутит?” Голова сильно не болела, не мутило. “Назовите, пожалуйста, полное имя отчество”. Назвал. “Год, месяц рождения”. Сказал. “Какое вчера число было?” Число я не помнил, говорю, что не знаю. “А год какой?” Год сказал. “А пора года какая?” Назвал, но уже про себя думаю, что вопросы вроде странные какие-то. Вот еще несколько таких вопросов задал, типа: “Чем вчера занимались днем?” “А вечером?”. Этими вопросами, на самом деле, как я потом понял, проверяют голову, ну то есть, что с мозгом, как речь, мышление. Потом к делу: “Знаете почему сюда попали?” Я уже знал. “Что пили и сколько?” Приблизительно сказал сколько и что вино пил. “Вино в смысле дешевое это?” Да, дешевое, но оправдываюсь, что не алкоголик. “Зачем же ты его пил?” Говорю, не знаю, так, попробовать хотел. “Раньше так напивались?” Нет. “Судя по анализу крови в момент поступления, у вас 3 промилле было” Это много? “Довольно много, еще не смертельная доза, но бывало, что и этого хватало...” Молчим, он записал что-то себе. Потом сказал, что еще одну капельницу мне поставят, другую, анализы еще раз сдать, а потом может и отпустят домой, если все будет нормально.

Взяли анализы, мочу и кровь. Потом другую капельницу поставили. По виду пакетик отличался, предыдущая прозрачная была, а эта темная, по-моему, розовая что ли. Ставила капельницу, молодая санитарка под присмотром той, что старше, и не с первого раза правильно попала в вену, поэтому, кстати, я и подумал, что она студентка.

Время шло муторно, поскорее хотелось уйти, что бы все это, бля, закончилось. Грибников перевели в другую палату, женщину вторую тоже. Деда, по-видимому, отпустили уже совсем. Наркоман все так же лежал, храпел, рычал, кидался. Погода солнечная была, оно в палату попадало. Осень. Верхушки деревьев пожелтевшие в окно видно было, второй этаж.

Врач заходил несколько раз проведывать. Потом спросил: “Ну что, будем выписываться?” Принесли больничную пижаму, мне и парню в очках. Пижамы были мне очень велика, штаны без резинки, приходилось держать их постоянно, на ноги бахилы. Нас, ну меня и парня этого, отправили одежду свою получать в гардероб, или как это там называется, и на беседу с психологом. По пути он мне рассказал, что попал сюда с отравлением таблетками, поругался с женой, напился таблеток успокоительных много с пивом и обрубился, и что на самом деле у него второй раз уже такое. Беседа с психологом или это тест, не знаю, не всем, естественно, а только кто перепил, наркоманы и такие, кто вот парень этот, таблетками траванулись, суицидники то есть.

Психолог – женщина лет шестидесяти, а то и больше. Очень спокойно общалась с нами вот такими. Прямо в коридоре, там стойка была, не в кабинете, просто в коридоре. Людей порядочно там было. В принципе не долго с каждым она говорила, мирно так, тихо. При мне один только там парень лет двадцати пяти стал шумно себя вести. Кричал: “Что вы мне тут втираете, что я наркоман, с передозировкой. Я вообще ни разу наркотиков вообще в глаза не видел! Я вообще спортсмен”. Психолог, спокойно: “Ну что ж ты врешь, зачем мне врать, я то знаю. У тебя вот по анализам...” Он: “Да фигня это! Да вы что тут? Вы может еще и родителям скажите? Да вы что? Не наркоман я! Не наркоман! Не пробовал я этих наркотиков. Что? Что вы у меня там нашли? А?” Она: “Опиаты...” Он: “Не ну блять, это пиздец какой-то, да ну как так. Вы что?!”

Со мной психолог общалась не долго: “Алкогольное отравление?..” Я: “Да”. Она: “Много выпил? Один или в компании?” Я: “Ну так, нормально. В компании, с друзьями”. Она: “До этого так напивался?” Я: “Нет. Я вообще-то вообще очень мало пью и редко”. Она: “Угу. Да. Знаешь, к чему пьянство приводит?” Я: “Вред здоровью, привыкание, спиться можно, все потерять. Отравится можно, передозировку, промиллей если много” Она: “Вот все вы знаете и все равно...” И все, меня отпустили.

В гардеробе мне кроме одежды еще дали одеяло. Я в нем свое домашнее одеяло узнал, из верблюжьей шерсти такое, но совсем не понял, почему оно тут. Мобильника в моей одежде не было. Я там спросил, сказали что было все и отдали. Вышел на улицу, одеяло это держу, оно единственное, казалось, что меня с домом связывает, а дом и вся та жизнь прошлая казалась очень такой далекой, как будто недостижимой, потерянной уже. На улице тихая грустная осень, день, после полудня, к этому времени солнца уже не было, но не хмуро, спокойно просто. Что делать не знаю, где толком и как домой, тоже не знаю. Вернулся в вестибюль. Спросил в справке можно ли от них позвонить домой, ответили, что от них нельзя, позвонить можно с телефона-автомата, тут же в вестибюле. Пошел к автомату. А как звонить, карточки то нет. Но там рядом памятка была такая и в ней пункт я нашел как звонить за счет абонента. Позвонил домой, единственный номер, который вспомнился наизусть. Подняла сестра. Взволнованным голосом спросила как я. Ответил, что нормально и что меня забрать надо, пусть Вадиму или Антону позвонит.

Потом сидел ждал. Реально ощущение как будто в каком-то другом мире был и счас вернулся. Одеяло это сжимаю, вернуться хочу... Через час где-то приехали Вадим и Антон, забрали меня. Выходил, обернулся, вид больницы сейчас вот перед глазами стоит, так явно...

Довольно долго сидит неподвижно. Затемнение. Шум, запись звука ветра на Титане (файл “huugens_alien_winds_descent”).

Проекция фотографии (файл “Фото010” - Городская клиническая больница скорой медицинской помощи г. Минска).

Конец

Минск, 2013